

странцы, знаніе языковъ, роскошныя бібліотеки, книги на французскомъ и англійскомъ языкахъ, заграничныя путешествія—все это вводило людей аристократическаго круга въ міръ новыхъ демократическихъ идей и либеральныхъ настроеній. Старое барство сталкивалось съ новымъ міровоззрѣніемъ и какъ-то уживалось съ нимъ. Достаточно припомнить домъ Яковлева, гдѣ выросъ Герценъ, чтобы понять, какъ сумбурно, хаотично, внѣшне уживались въ одномъ барскомъ домѣ два уклада жизни—старинный крѣпостнически-барскій и новый либеральный, западно-европейскій. Несомнѣнно долженъ былъ возникнуть конфликтъ между психическими традиціями и навыками стариннаго барства и новыми освободительными идеями. Отсюда извѣстная нравственная раздвоенность, исканіе смысла и оправданія жизни и своего поведенія, отсюда нѣкоторая надломленность и неуравновѣшенность.

Андрей Болконскій, въ котораго Толстой вложилъ многія черты своего характера, человѣкъ прямой и честный, и не хочетъ знать компромиссовъ: независимый и гордый феодалъ, гордился всегда своей прямолинейностью, онъ имѣлъ возможность осуществлять свою волю, онъ не рвалъ органической связи между мыслью, словомъ и дѣломъ. Въ этомъ было его огромное преимущество передъ обыкновенными смертными, приниженными и смиряющими свои желанія передъ силой обстоятельствъ.

Феодалъ жилъ полной жизнью, дышалъ свободно: организмъ его работалъ сильно и властно. Онъ умѣлъ и любить и ненавидѣть, ставить цѣли и осуществлять ихъ. Феодално-крѣпостническій строй создавалъ для него эту счастливую возможность дышать полной грудью, жить цѣлостной жизнью. И когда сталъ рушиться этотъ строй,—никто сплѣнѣ феодала не почувствовалъ измѣненія условій жизни. Старыя потребности прямого и послѣдовательнаго дѣйствія, не знающаго компромиссовъ согнутой спины,—властно заговорили въ негибкой душѣ феодала, а новыя условія требовали гибкости, приспособленія, иной психологии, иной дисциплины, иныхъ житейскихъ взаимоотношеній.

На этой почвѣ создается конфликтъ въ душѣ Андрея Болконскаго и ему подобныхъ, растетъ раздвоенность; совѣсть заговорила сильнѣе и властнѣе и требуетъ выхода изъ круга сомнѣній и недоумѣній. Отсюда духъ усталости и надломленности, усиливаемыхъ тяжелымъ наслѣдственнымъ грузомъ переживаній многихъ и многихъ поколѣній предковъ; отсюда—естественная потребность искать этотъ выходъ не въ приспособленіи къ новымъ непонятнымъ социальнымъ условіямъ, а внутри себя, въ усиленной работѣ совѣсти, въ задачахъ самоусовершенствованія и моральнаго освобожденія отъ тяжелыхъ тисковъ жизни.

Въ Андрѣ Болконскомъ Толстой воплотилъ черты отживающаго властнаго барства, съ его властностью, честолюбіемъ, силой воли, чувствомъ чести и долга, съ его несомнѣнно